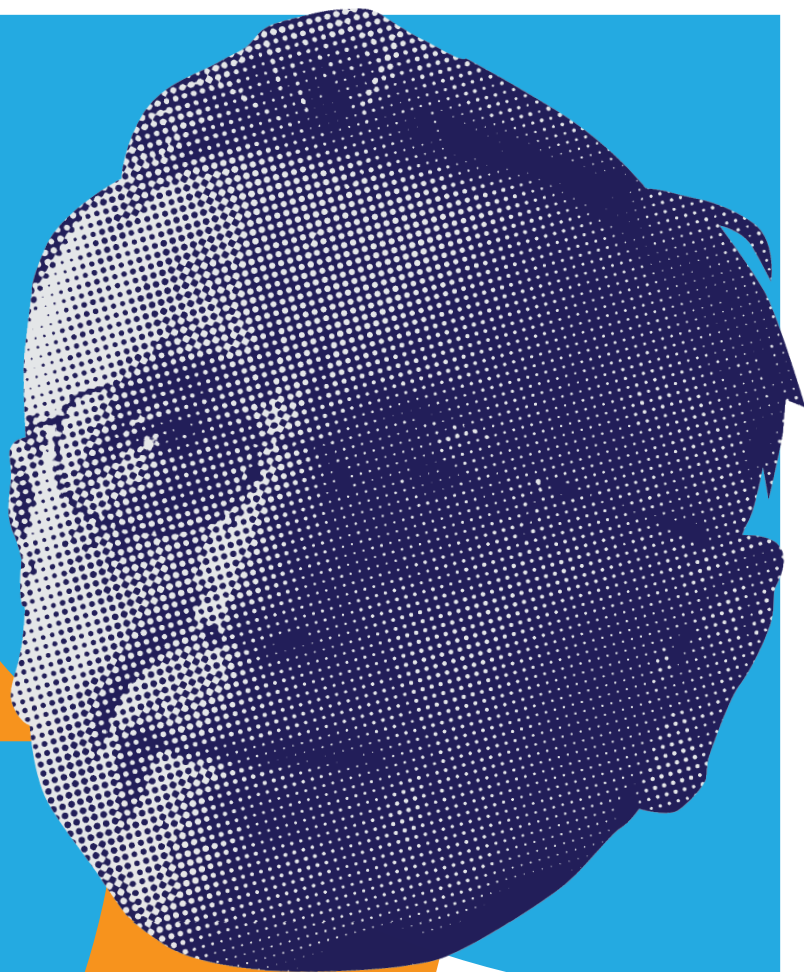

РЕТРОСПЕКТИВА
ФИЛЬМОВ
ИРЖИ МЕНЦЕЛЯ
(1938–2020)

23.9.–01.10.2020

16+

КИНОКЛУБ
СТРАН-УЧАСТНИЦ
ОИЯИ
ДУБНА, 2020

расписание дубненской и московской программ

Расписание показов в Дубне

*Библиотека им. Д.И. Блохинцева,
ул. Блохинцева, д. 13*

23 сентября, Среда, 18:00

(торжественное открытие
ретроспективы)

Умер наш пан Фёрстер /

Umřel nám pan Foerster

Чехословакия, 1963, 14 мин.

Поезда особого назначения /

Ostře sledované vlaky

Чехословакия, 1966, 92 мин.

24 сентября, Четверг, 18:00

Жаворонки на нити /

Skřivánci na niti

Чехословакия, 1969, 90 мин.

26 сентября, Суббота, 16:00

Пострижение /

Postřížiny

Чехословакия, 1980, 93 мин.

ДК «Мир», аллея Высоцкого, д. 1

30 сентября, Среда, 18:00

Деревенька моя центральная /

Vesničko má středisková

Чехословакия, 1985, 98 мин.

1 октября, Четверг, 18:00

Конец старых времен /

Konec starých časů

Чехословакия, 1989, 93 мин.

Расписание показов в Москве

Кинозал Инженерного

корпуса ГТГ,

Лаврушинский переулок, 12

24 сентября, Четверг, 19:00

Умер наш пан Фёрстер

Чехословакия, 1963, 14 мин.

Поезда особого назначения

Чехословакия, 1966, 92 мин.

26 сентября, Суббота, 14.45

Жаворонки на нити

Чехословакия, 1969, 90 мин.

27 сентября, Воскресенье, 16.30

Пострижение

Чехословакия, 1980, 93 мин.

27 сентября, Воскресенье, 18.30

Деревенька моя центральная

Чехословакия, 1985, 98 мин.

30 сентября, Среда, 21:15

Конец старых времен

Чехословакия, 1989, 93 мин.

Иржи Менцель (1938-2020) – всемирно известный чешский режиссер театра и кино, одна из ведущих фигур чехословацкой «новой волны». Наряду с Милошем Форманом он относится к авторам, горячо любимым массовым зрителем. Выпускник легендарного курса Отакара Вавры в киношколе ФАМУ, где он учился вместе с Верой Хитиловой, Эвальдом Шормом и Яном Шмидтом, Менцель своей корневой системой крепко спаен с чешской «новой волной». Он принадлежит к той молодой поросли художников, которые в 1960-е годы, преодолев чешский комплекс малости и незначительности, заставили весь мир с восхищением следить за кинематографией своей небольшой страны, лежащей в самом сердце Европы. В отличие от французских коллег у них не было четко сформулированной программы, однако стихийно выработался общий авангардный язык с его монтажно-композиционными экспериментами, позволявшими выйти за границы бытового пространства, дробностью строения, подвижностью границ между диалогом и внутренним монологом. Скрытые течения человеческой психики, связь между историческим и личностно-индивидуальным стала объектом их пристального внимания.

На фоне многих сотоварищей Менцель всегда был очень самокритичен, когда речь заходила о «миссии художника», предпочитая называть себя «ремесленником, который ждет заказов». Впрочем, внимательного зрителя едва ли способна ввести в заблуждение обманчивая легкость его стиля: в своих фильмах Менцель – поэт и импрессионист, чутко улавливающий быстротечность времени, оттого в его поэтизации сиюминутного всегда сквозит тихая задумчивая грусть. Будучи самым юным в плеяде «нововолновцев», он еще с институтских лет, с дипломного фильма «Умер наш пан Фёрстер» (1963), снимал о молодости, словно бы оглядывая настоящее с далекого берега на границе небытия, когда длящееся мгновение становится сладостно-пронзительным. Менцель – виртуоз скрытого трагизма, который буквально разлит в атмосфере его картин, вступая в сложную реакцию с их лирико-комедийной тональностью. Свое вдохновение он черпал во французском «поэтическом реализме» 1930-х годов, картинах Рене Клера и Жана Ренуара, что придает его фильмам неуловимую ностальгическую интонацию. Еще один источник, питающий его оригинальный стиль – немая комическая и

переосмысление классических гэгов, восходящих к Чарли Чаплину и Бастеру Китону. Впрочем, ироничный гротеск смягчен у Менцеля тонким лиризмом и особой деликатностью в передаче душевных движений героев, что искусно подчеркивает «акварельная» камера Яромира Шофра, мастера световоздушной перспективы.

Благодаря своей деликатности и виртуозной игре на полутонах Менцель сумел стать прекрасным экранизатором двух чрезвычайно сложных для перенесения на экран чешских писателей – Богумила Грабала и Владислава Ванчуры. Картины по произведениям этих авторов принесли Менцелю мировое признание. Однако, в отличие от Ванчуры, Грабал был современником режиссера, хоть их и разделяло целое поколение (Грабал был старше на 24 года), и именно с ним у Менцеля сложились самые теплые и продуктивные отношения сотворчества. Молодость Грабала пришлось на самые сложные годы в истории страны – период военной оккупации и идеологические чистки 1950-х годов.

Прежде чем посвятить себя литературе, Грабал сменил множество профессий: он побывал железнодорожником, официантом, страховым агентом, прессовщиком макулатуры, сталелитейщиком и др. – и все это нашло отражение в его книгах. Его пластичная, чрезвычайно зримая и образно насыщенная проза соединяет в себе проникновенную нежность, глубокое чувство прекрасного, которое является героям в самых приземленных вещах, отбросах вечно мира, с элементами гипертрофированной жестокости на грани сюрреализма. На пересечении двух эстетик, грабаловской и менцелевской, родились «Поезда особого назначения» (1966, также встречается перевод – «Поезда под пристальным наблюдением») – один из трех фильмов в истории чешского кино, принесших родине режиссера премию «Оскар», и, пожалуй, самый прославленный среди них. В повесть о наивном стажере, который на исходе войны переживает пубертатно-сексуальные волнения на богом забытой железнодорожной станции, Менцель внес негу и чувственность, нотку трагикомического абсурда и нелепый фарс жизни. Дразняще эротичная сцена, когда дежурный по станции Губичка штемпелирует на заднице телеграфистки Зденички комплект станционных печатей Германского рейха, вошла в золотой фонд мирового кино.

В следующий раз Менцель вернулся к Грабалу уже после печально известных событий 21 августа 1968, когда советские танки

вторглись в Чехословакию, ознаменовав тем самым конец Пражской весны. Он обращается к серии рассказов «Объявление о продаже дома, в котором я больше не хочу жить», чьи герои, «лишние элементы», проходят перековку на сталелитейном заводе, где в окружении безобразного они пестуют память о нравственном законе. Запрещенная картина «Жаворонки на нити», окрашенная не совсем типичными для Менцеля горько-саркастичными тонами, была завершена в 1969 году и сразу же отправлена на полку, где пролежала 20 лет, завоевав «Золотого медведя» на Берлинском кинофестивале 1990 года.

В сложные годы «нормализации», когда после нескольких лет отстранения от кино режиссеру позволили вернуться в профессию, он сумел уклониться от рьяно насаждаемых пропагандистских тенденций, выработав особый настроенческий ретро-стиль. О своих персонажах, пионерах кинематографа («Великолепные мужчины с кинокамерой», 1978) или златовласой супруге пивовара («Пострижение», 1980), Менцель повествует с ласковой романтической ностальгией. Его картины этого периода, снискавшие славу подлинно народных комедий («На хуторе у леса», «Пострижение», «Деревенька моя центральная»), вернули зрителей в кинотеатры и били рекорды по посещаемости.

Другая вершина творчества режиссера отсылает к фигуре Владислава Ванчуры. Впервые к прозе этого писателя-стилиста, столь близкого Менцелю изяществом словесного рисунка, прихотливым сплетением драмы и фарса, Менцель обратился в 1967 году, поставив его «Капризное лето». Это акварельная картина о необратимости времени, где сонное однообразие крошечного городка ненадолго развеивает приезд цирковой труппы с прекрасной гимнасткой, влюбившей в себя трех местных старожилов. В 1989 году, накануне «бархатной революции», Менцель экранизирует роман Ванчуры с символическим названием «Конец старых времен». В этом фильме, сюжет которого закручивается вокруг барона Мюнхгаузена XX века, он рассуждает о глубинной потребности в идеалах, аристократизме духа и приземленной рациональности, соседство которых в чешском характере столь часто снабжало национальную литературу сюжетами.

По ходу своей режиссерской карьеры Иржи Менцель периодически ставил и на театральной сцене, занимался преподаванием, а

также был активно востребован как актер благодаря полному отсутствию рисовки и выразительной внешности, напоминающей о знаковых комиках немого кино. Стоит упомянуть и еще об одной его грани – критика-эссеиста. Из колонки в журнале «Story» выросла юмористическая книга «Ну не знаю» (Tak nevím) – сборник оригинальных эссе режиссера, написанных им в период с 1995 по 1998 год. В своих остроумных фельетонах и ироничных моралите Иржи Менцель не только откликается на актуальные события, такие как упаковка Рейхстага художником-концептуалистом Христо или свежий антитабачный закон, но и размышляет о чешском нраве, о роли искусства, о внешней и внутренней цензуре, о воспитательной роли телевидения. Кроме того, он щедро делится воспоминаниями детства и юности, с теплотой отзывается о своих друзьях и учителях – режиссерах, актерах, писателях. Русский перевод книги вышел в 2016 году в издательстве «Киноведческие записки». Ниже мы публикуем два эссе из этого издания.

P.S. Когда этот материал уже верстался, до нас дошла скорбная весть – Менцеля не стало. Подготовленную кинопрограмму мы посвящаем его памяти.

Ну не знаю.
Это выражение –
характерный чешский *modus dubitandi*.
Dubito, ergo sum –
я сомневаюсь во всевозможных
ценностях и истинах –
следовательно, я существую.

¹ Павел Айснер (1889–1958)
– чешский переводчик и
литературовед, исследователь
чешского языка (здесь и далее –
прим. пер.).

Ну не знаю...

Это три слова были первым, что я выпалил, когда журнал «Story» некоторое время назад предложил мне постоянное сотрудничество. Когда-то в детстве я и в самом деле мечтал стать журналистом, чтобы служить людям так же, как мой папа-журналист. Вот только мне не нравилось, что нужно регулярно садиться за чистый лист и писать по долгу службы. Это напоминало домашние задания, которые я ненавижу до сих пор. Наконец меня уломали, тем не менее, и эти колонки я почти всегда пишу в последнюю секунду, так же, как во времена моей юности делал те самые домашние задания. Ну не знаю. Эти три слова стали заглавием и рефреном моих колонок. Мне казалось, они точно выражают чувства, которые я испытываю, когда пишу: иначе говоря, о чем пишу, в том я и сомневаюсь. Просто я боюсь высказываться категорично. Поэтому:

Ну не знаю.

И лишь недавно я вспомнил, где меня так зацепило это словосочетание, которое я люблю вставлять и в разговорной речи. Это была книжка Павла Айснера¹ о прелестях нашего языка «Храм и крепость». Я пролистал ее вновь и нашел то, что

когда-то пленило меня в этой фразочке. Там было написано: «Ну не знаю. Это выражение – характерный чешский *modus dubitandi*. *Dubito, ergo sum* – я сомневаюсь во всевозможных ценностях и истинах – следовательно, я существую», – написал пан Айснер. И далее он пишет:

«...что это жизненная мудрость нации многострадальной, *ergo* опытной. Жизненный оптимизм, замешанный на скепсисе».

Мудрый пан Айснер попал в точку! Всю жизнь у меня как у чистокровного чеха стучит в мозгу: очевидно, оптимизм – качество, по счастью, врожденное (иначе не знаю, как бы я к нему пришел), а скепсис – приобретение жизненного опыта.

Мы живем в Чехии – тут и то, и другое на месте. Оптимизм – вера, что грядущее будет счастливым, и скепсис, который избавляет оптимизм от слепоты и ведет к осторожности.

Ну не знаю.

Девиз на нашем президентском штандарте – «Истина побеждает» не говорит, когда же истина победит, а значит, можно истолковать это следующим образом: всегда лучше подождать, когда нашей истине поможет победить кто-нибудь другой.

¹ Речь идет о писателях, драматургах и диссидентах Вацлаве Гавеле – последнем президенте Чехословакии (1989–1992) и первом президенте Чехии (1993–2003), Милане Угде, который с 1993 по 1996 годы был Председателем Палаты депутатов Парламента ЧР, и Кароле Сидоне, исполнявшем роль главного раввина Праги в 1992–2014 годах.

² Битва на Белой горе разыгралась в ходе Тридцатилетней войны 8 ноября 1620 года. Чешские войска были разгромлены имперско-баварской армией, в результате чего Чехия утратила свою независимость вплоть до 1918 года. Александр Дубчек (1921–1992) – первый секретарь ЦК Компартии Чехословакии в 1968–69 гг., который инициировал курс либеральных реформ, получивших название «Пражская весна». Пражская весна была подавлена 21 августа 1968 года вторжением войск стран Варшавского договора, что вновь завершилось для Чехословакии утратой независимости в рамках соцлагеря.

Приехали тут ко мне из одного крупного немецкого театра. Просили поставить у них какой-нибудь симпатичный спектакль. Они хотели, чтобы это была пьеса чешского автора, по возможности современного. «Вам везет на драматургов», – сказали они мне. «Ваш пан президент – всемирно известный драматург, и председатель вашего Парламента – тоже драматург, и даже чешский верховный раввин пишет пьесы для театра¹. Очевидно, занятие драматургией в вашей стране – своеобразное хобби. Быть может, и ваш премьер-министр уже написал какую-нибудь пьесу, о которой мы пока не знаем».

И начали мы выбирать пьесу. При всем уважении к вышеупомянутым авторам и ко всем последующим нам этого не удалось. Мы не смогли найти пьесу, которая была бы современной, с живыми характерами, а главное, полной драматизма. «Задача непростая», – сказал я, – «в этой стране драм не бывает: все, что драматично где-то в другом месте, у нас в Чехии превращается в фарс». Они засмеялись моей остроте и парировали: «Всё гораздо глубже». Масштаб театра, как они выразились, еще с незапамятных времен определяется тем, что на сцене делается, а не тем, что на ней говорится. Еще Аристотель открыл нам, что сильная драма состоит из сильных

действий. «Ваш чешский характер таков, что действие у вас чаще всего подменяется одним лишь намерением. Доброе намерение провозглашается, но труд, который нужно затратить на его воплощение, для вас уже неподъемен. Поэтому пусть ваши пьесы большей частью и благородны, но в остальном, к сожалению, ничем не увлекательны». На мое возражение, что малый народ не может позволить себе больших рисков, они ответили, что ирландцы – тоже малый народ, а сколько крупных драм дали миру, и что мы, чехи, мастера уверток. И что девиз на нашем президентском штандарте – «Истина побеждает» не говорит, когда же истина победит, а значит, можно истолковать это следующим образом: всегда лучше подождать, когда нашей истине поможет победить кто-нибудь другой. Я, собственно, не эксперт в исторической науке, но мои поверхностные знания о чешской истории от Белой горы и до Дубчека² навели меня на то, что я, хоть и без удовольствия, вынужден был с ними согласиться.

Ну не знаю.

Мы долго совещались, искали пьесу, которая была бы и чешской, и современной, и которая могла бы что-то поведать о нас остальному миру. В итоге сошлись на том, что лучше всего будет взять какую-нибудь сценическую обработку «Бравого солдата Швейка». Этого мне делать не хотелось, и мои досадно откровенные друзья в конце концов уехали ни с чем.

Умер наш пан Фёрстер / Umřel nám pan Foerster,

1963, 14 мин., игр., ч/б

Сценарий: Индржишка Сметанова, Иржи Менцель

Режиссер: Иржи Менцель

Оператор: Йозеф Орт-Шнеп, Петр Мареш

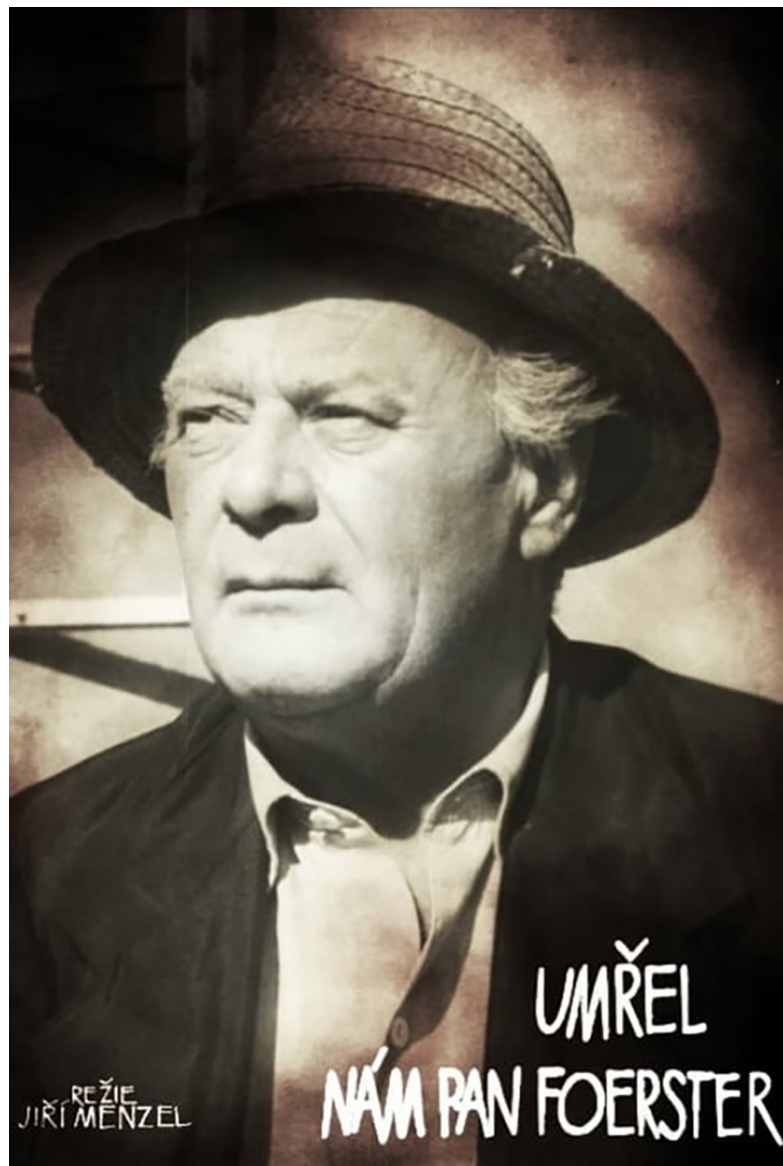
Композитор: Йозеф Церемуга

В главных ролях: Богуш Загорски (учитель), Сватава Губенькова (соседка)

Дипломный фильм Иржи Менцеля в киношколе FAMU. В тихом пражском дворике молодая мать развешивает выстиранное белье. Неподалеку греется на солнышке пожилой учитель.

Пребывая в лирическом настроении, он рассказывает соседке о своей любви к творчеству Огюста Ренуара и о мечте однажды посетить Францию. Внезапное напоминание о смерти вторгается в послеполуденную идиллию... Этой психологически филигранной работой, в изобразительном плане отсылающей к живописи импрессионизма, режиссер ярко заявил о приходе поколения «новой волны».

Интересные факты: На главную роль молодой режиссер хотел пригласить Яна Вериха, легенду чешского театра и кинематографа. В это время Верих снимался в фильме Войтеха Ясного «Вот придет кот». Обладавший очень стеснительным характером Менцель, собравшись с силами, подошел к Вериху в перерыве между съемками. Однако тот был не в духе и к тому же плохо слышал, а Менцель от волнения начал проглатывать слова. Так им и не удалось договориться. Роль учителя в итоге исполнил актер Богумил (Богуш) Загорски, чья деликатная игра прекрасно вписалась в изобразительный строй фильма.

Поезда особого назначения / *Ostře sledované vlaky*,
1966, 92 мин., игр., ч/б

Сценарий: Богумил Грабал, Иржи Менцель

Режиссер: Иржи Менцель

Оператор: Яромир Шофр

Композитор: Иржи Шуст

В главных ролях: Вацлав Нецкарж (Милош Грма), Йозеф Сомр (Губичка), Владимир Валента (начальник станции), Властимил Бродский (советник Зедничек), Итка Зеленогорска (Зденичка)

По повести Богумила Грабала.

Вторая мировая война близится к своему завершению.

Мимо крошечной, но стратегически важной чешской железнодорожной станции каждый день проносятся поезда особого назначения, груженные военной техникой и оружием. В то время как войска вермахта в панике пытаются отсрочить скорое поражение, работники станции решают свои насущные проблемы. Юный стажер Милош Грма страстно желает стать мужчиной, а любвеобильный дежурный по станции Губичка и вовсе допускает форменное оскорбление рейха, отпечатав на заднице телеграфистки Зденечки Святой полный набор станционных печатей...

В этом ироничном трагифарсе мечтательный лиризм Менцеля соединился с влиянием немых гротесков. Фильм был удостоен 14 премии «Оскар» и на долгие годы стал «визитной карточкой» чешского кино в пространстве мирового кинематографа.

Интересные факты: В основу истории легло реальное событие: 2 марта 1945 г. недалеко от железнодорожной станции Стратов отряд партизан подорвал немецкий поезд с боеприпасами. Также сюжет во многом вырос из воспоминаний Богумила Грабала, который в конце войны работал дежурным по станции в Костомлатах-на-Лабее.

До того, как повесть, крайне сложную для экранизации, предложили дебютанту Иржи Менцелю, от постановки уже успели отказаться три именитых чешских режиссера.

Жаворонки на нити / Skřivánci na niti, 1969, 90 мин., игр., цв.

Сценарий: Богумил Грабал, Иржи Менцель

Режиссер: Иржи Менцель

Оператор: Яромир Шофр

Композитор: Иржи Шуст

В главных ролях: Рудольф Грушинский (функционер), Вацлав Нецкарж (Павел Гвездарж), Властимил Бродский (Доктор), Итка Зеленогорска (Итка Главачова), Франтишек Ржегак (Дробечек), Леош Сухаржипа (бывший прокурор), Надя Урбанкова (Ленка)

По рассказам Богумила Грабала.

Действие этой едкой трагикомической притчи о тоталитарном обществе разворачивается в 1950-е годы на сталелитейном заводе, куда государство отправляет на перевоспитание всех неугодных режиму. Упорный труд должен выковать из философа, прокурора и бывшего торговца патентованными корытами достойных членов нового общества, то есть тех, кто не задает вопросов. Однако при всей безнадежности их положения герои не спешат примерять на себя трагическую маску и относятся к происходящему с юмором, сохраняя внутреннюю свободу и веру в тот нравственный закон, который проповедовал Иммануил Кант.

Фильм прямо из монтажной отправился на «полку», где пролежал 20 лет. «Золотой медведь» Берлинского

19 кинофестиваля 1990 года.

Интересные факты: Менцель нашел ключ, который помог ему выстроить сюжет из отдельных рассказов, в старом анекдоте 50-х годов: «После урока политпросвещения на заводе докладчик спрашивает, есть ли у кого вопросы. Один рабочий встает и говорит: “Хорошо, что у нас есть социализм и будет коммунизм, но где же масло, где мясо, где хлеб?” Докладчик осекается и обещает поговорить об этом в следующий раз. Но

когда на будущей лекции приходит пора задавать вопросы, встает другой рабочий: “Хорошо, что у нас есть социализм и будет коммунизм, но где же масло, где мясо, где хлеб, и главное, где рабочий, что спрашивал об этом в тот раз?”».

Пострижение / Postřiziny,

1980, 93 мин., игр., цв.

Сценарий: Богумил Грабал, Иржи Менцель

Режиссер: Иржи Менцель

Оператор: Яромир Шофр

Композитор: Иржи Шуст

В главных ролях: Магда Вашариова (Маришка), Иржи Шмитцер

(Францин), Яромир Ганзлик (дядюшка Пепин), Рудольф

Грушинский (Грунторада), Петр Чепек (де Джорджи)

По роману Богумила Грабала.

Действие этого ретро-фильма разворачивается в 1920-е годы в чешском городке Нимбурке. Прообразом главных героев – управляющего пивоварней Францина и его жены, озорной красавицы Маришки – послужили родители самого Грабала. Жители городка, скучая от провинциальной размеренности, постоянно ищут каких-нибудь приключений. А грядущая эпоха уже стоит на пороге, принося с собой моду на укорачивание всего и вся: длинных дамских юбок, роскошных волос до пят, лошадиных хвостов и даже ножек обеденного стола! Эта картина, воспевающая милые радости жизни, стала одним из главных коммерческих хитов чешского кинопроката тех лет.

18 Интересные факты: Руководство запретило участникам съемок подниматься на настоящую трубу пивоварни. Сцены для фильма были отсняты на низком макете, установленном на крыше здания поблизости. Однако Иржи Менцель признавался, что стоило директору картины отойти, как все тотчас начинали карабкаться на эту трубу, включая Магду Вашариову с Яромиром Ганзликом. Сам режиссер забирался на нее несколько раз.

Прототипом персонажа дядюшки Пепина послужил дядя Йозеф, брат отца писателя. Он приехал к родственникам погостить на две недели и «задержался» у них до конца жизни.

FILM produkcji CSRS Filmové studio Barrandov
Adaptacja wydanego w Polsce opowiadania Bohumila Hrabala

postrzyżyny

reżyseria: Jiří Menzel

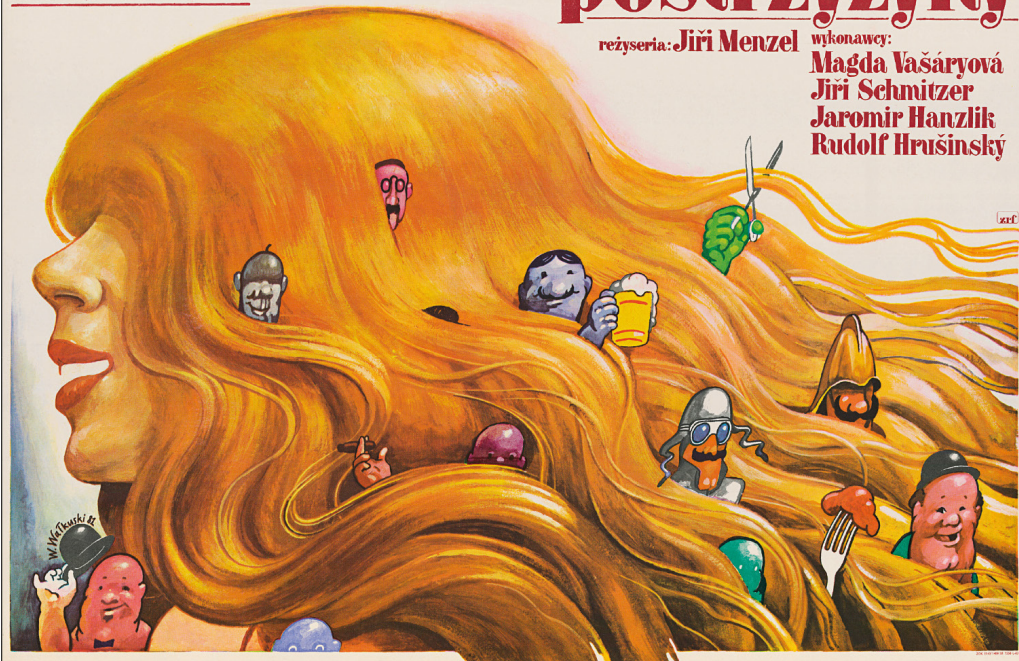
wykonawcy:

Magda Vašáryová

Jiří Schmitzer

Jaromír Hanzlík

Rudolf Hrašínský

Деревенька моя центральная / Vesničko má středisková,
1985, 98 мин., игр., цв.

Сценарий: Зденек Сверак

Режиссер: Иржи Менцель

Оператор: Яромир Шофр

Композитор: Иржи Шуст

В главных ролях: Янош Бан (Ота Ракосник), Мариан Лабуда (Карел Павек), Рудольф Грушинский (доктор Скружны), Петр Чепек (Йозеф Турек), Либуше Шафранкова (Яна Туркова), Ян Хартл (Вацлав Кашпар), Зденек Сверак (Эвжен Рыба)

Водитель грузового авто Павек, ворчливый и добродушный толстяк, опекает своего молодого напарника – умственно отсталого Отика, который, в свою очередь, любит Павека как отца. За Отиком и вправду нужен глаз да глаз, ведь по простоте душевной он несколько раз чуть не становится виновником трагедии. Однажды Павек в сердцах отказывается ездить со своим напарником, и теперь Отика ждет переселение в город, где он будет совсем один, ведь на его деревенский домик уже положила глаз местная шишка...

Авторы этого фильма, сценарист Зденек Сверак и режиссер Иржи Менцель, с искренней симпатией живописуют чудачества деревенских старожилов. Особенно подкупают зрителя неугасающий оптимизм героев и их способность с юмором относиться ко всем бытовым невзгодам, что принесло картине широкую известность не только в Чехии, но и за рубежом. Фильм также был и в советском прокате. Номинация на премию «Оскар».

Интересные факты: Появлению фильма поспособствовала ошибка бухгалтерии. Во время проверки на киностудии «Баррандов» было обнаружено, что Зденеку Свераку за сценарий фильма «На хуторе у леса» гонорар по ошибке был

выплачен дважды. Речь шла о небольшой сумме за краткое описание истории, примерно 2000 крон. Для оправдания этой премии Свраку предложили написать заявку, которую оформили бы как отклоненную. Через несколько недель, во время совместной поездки, Иржи Менцель прочитал заявку, и она показалась ему перспективной. 7 лет спустя Зденек Сврак принес ему сценарий.

Конец старых времен / Konec starých časů,
1989, 93 мин., игр., цв.

Сценарий: Иржи Блажек, Иржи Менцель

Режиссер: Иржи Менцель

Оператор: Яромир Шофр

Композитор: Иржи Шуст

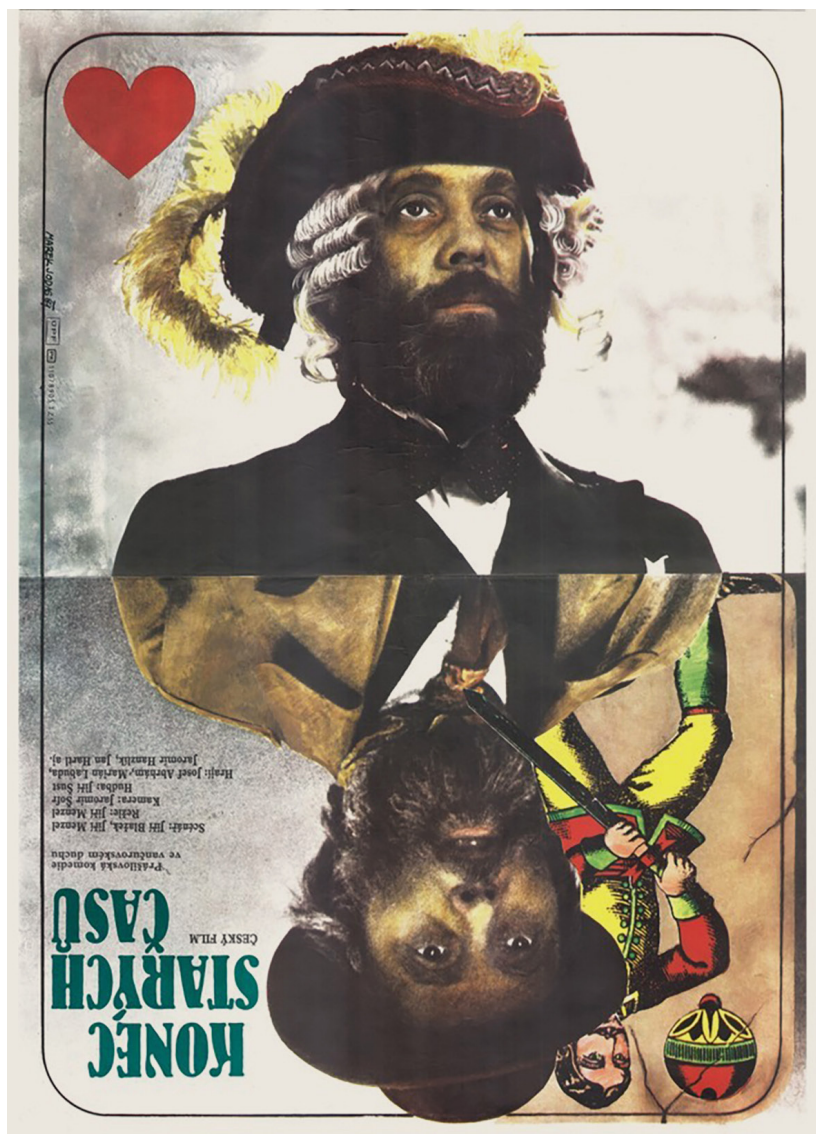
В главных ролях: Йозеф Абргам (Алексей Мегалрогов), Мариан Лабуда (Йозеф Стокласа), Яромир Ганзлик (Бернард Спера), Рудольф Грушинский (Якуб Лгота), Ян Грушинский (Ян Лгота), Ян Хартл (адвокат Пустина), Иржи Адамира (мажордом), Йозеф Сомр (Хароусек), Шанталь Пуллен (Сюзанн)

По роману Владислава Ванчуры.

После окончания Первой мировой регентом замка Кратохвиле становится помещик Стокласа – нувориш с замашками простолюдина. Стремясь поразить соседей и породниться с аристократами, он устраивает охоту с богатым угощением. Внезапно из леса выходит причудливо одетый человек, который представляется русским князем Алексеем Мегалроговым, полковником царя Николая II. Его сопровождает слуга Ваня. Князь остается в замке и быстро завоевывает доверие детей Стокласы, да и самому помещику льстит внимание знатного гостя. Тем временем Мегалрогов ведет себя все более эксцентрично, вселяя в недоброжелателей уверенность в том, что это бесстыдный самозванец...

Обращаясь к роману тонкого бытописателя нравов Ванчуры в переломный период, предвещавший закат эпохи социализма, Менцель в легкой ироничной манере размышляет об аристократизме духа.

Интересные факты: «Конец старых времен» Ванчура изначально написал в виде киносценария, который сам же и собирался ставить, и лишь позднее переделал в роман. В 1967

году Менцель пытался его разыскать, но, потерпев неудачу, взялся за другое произведение писателя – «Капризное лето». Впоследствии сценарий нашелся, но, по признанию Менцеля, он был неудачен. Вместе с Иржи Блажеком режиссер написал новый сценарий, опираясь на роман. Таким образом, путь от замысла до воплощения занял более 50 лет.

**Третьяковская
галерея**

КИНОКЛУБ
СТРАН-УЧАСТНИЦ

Объединенный институт
ядерных исследований

Посольство Чешской Республики
в Российской Федерации

ЧЕШСКИЙ ЦЕНТР

ČESKÉ CENTRUM

МИР
ДОМ КУЛЬТУРЫ
ДУБНА

БЛОХИНКА
универсальная
библиотека ОИЯИ
им. ДИ.Блохинцев

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К ФИЛЬМАМ
— КИНОВЕД ВИКТОРИЯ ЛЕВИТОВА

В ОРГАНИЗАЦИИ РЕТРОСПЕКТИВЫ
ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ:

КИНОКЛУБ СТРАН-УЧАСТНИЦ
ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА
ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ДУБНА)
ПРОГРАММНЫЙ КООРДИНАТОР
ЯН МАХОНИН

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ
ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ КИНОПРОГРАММ
МАКСИМ ПАВЛОВ
МЕНЕДЖЕР ОТДЕЛА КИНОПРОГРАММ
ОЛЬГА УЛЫБИШЕВА

ЧЕШСКИЙ ЦЕНТР В МОСКВЕ
НАТАЛЬЯ ЯИЦКАЯ

РЕТРОСПЕКТИВА ИРЖИ МЕНЦЕЛЯ
ПРОХОДИТ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
КИНОАРХИВА (NFA)

СОСТАВЛЕНИЕ, ТЕКСТЫ И ПЕРЕВОД:
ВИКТОРИЯ ЛЕВИТОВА
ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ: ЯН МАХОНИН

МАКЕТ И ВЕРСТКА: ПЕТР БАНКОВ
ГАРНИТУРЫ: MINION PRO, NEW HELVETICA

КООРДИНАЦИЯ РЕТРОСПЕКТИВЫ:
ВИКТОРИЯ ЛЕВИТОВА, ЯН МАХОНИН,
ОЛЬГА УЛЫБИШЕВА, НАТАЛЬЯ ЯИЦКАЯ,
МАКСИМ ПАВЛОВ

ПЕРЕВОД ФИЛЬМОВ:
МАРИЯ ЕДЕМСКАЯ,
НИНА ФАЛЬКОВСКАЯ